Шупляк, С. П. Значение тысячного года для средневекового паломнического движения / С. П. Шупляк // Працы гістарычнага факультэта БДУ: Навук. зб. Вып. 4 / Рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.] — Мн: БГУ, 2009. — С. 147–154.

С. П. ШУПЛЯК

ЗНАЧЕНИЕ ТЫСЯЧНОГО ГОДА ДЛЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПАЛОМНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Наступление тысячного года воспринималось большинством западноевропейского общества того времени как дата возможного конца времен, что должно было побуждать людей к совершению благочестивых поступков, направленных на искупление грехов.

Верующие христиане были твердо убеждены, что в какое-то время предстоит второе Пришествие Христа и Страшный суд. В соответствии с текстом Евангелия Иисус Христос сам предупреждал об этом, — не определив, однако, времени события: «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один». Далее он еще раз подчеркнул ту же мысль: «Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет». Вместе с тем он дал все же понять, что произойдет это в пределах одного поколения: «Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все сие будет» [5, с. 29—30]. Некоторые уточнения дает Откровение святого Иоанна Богослова (Апокалипсис), где сообщалось, что второму Пришествию будут предшествовать страшные бедствия, а вслед за ним наступит 1000-летнее земное царство Иисуса Христа. Так впервые появилась эта сакральная цифра — единица с тремя нулями и соответственно милленаризм (хилиазм) — учение, ставшее выражением мечты о земной справедливости и об устранении социального зла. В раннехристианской теологии учение это получило неоднозначную оценку: его не признали Ориген и Августин, но поддержали Тертуллиан, Юстин и Ириней. Однако в народной среде оно получило широкое распространение, постепенно приобретая все более мистический настрой.

При этом следует иметь в виду, что хронология как наука была развита в средневековье достаточно слабо. Сам термин начинает употребляться лишь в XVI в. Времена года имели свою естественную, сезонную окраску, от которой зависели полевые работы, охота, ведение войны, т. е. вся жизнь крестьян и их сеньоров.

С другой стороны, свой ритм на годичный цикл, свидетелем которого становился любой средневековый европеец, накладывала христианская литургия. Сам язык Священного писания был насыщен упоминаниями о часах, в особенности евангельский страстной цикл чтений.

Существовал воскресный отдых на седьмой день недели, праздники, в которые нельзя было работать и которые зачастую вызывали сопротивление. Литургический год строился исходя из праздника Пасхи, отмечавшейся в первое воскресенье после полнолуния, наступавшего после 21 марта. Расчет Пасхи, таким образом, велся от весеннего равноденствия. Такое исчисление дня Пасхи было предписано Никейским собором (325 г.) и соблюдается до сих пор. Расчет этой даты для каждого года входил в обязанности специальных «счетчиков». В свою очередь, дата Пасхи определяла время наступления ежегодных покаяний: в первую очередь 40 дней Великого поста, а также нескольких других, более коротких постов.

Даты обозначались на латинский лад, считая от календ, ид и нон, а месяцы обозначались в рукописях латинскими названиями.

Смена года не происходила, как сейчас, первого января. Начало года приходилось на разные дни в зависимости от территории и, возможно, даже от социальной среды. Например, в канцелярии короля Франции год начинался с 1 марта, а в Анжу и в Пуату — с Рождества, 25 декабря. В аббатстве святого Бенедикта на Луаре началом года было 25 марта, т. е. праздник Благовещения. В Германии и в Англии наиболее распространен был обычай начинать год с Рождества. Вообще Западная Европа начинает отмечать новый год с 1 января лишь в позднее средневековье и в начале Нового времени [6, с. 33].

Само собой разумеется, что священники, ответственные за соблюдение литургии, знали, какой год на дворе: это было нужно для определения дня Пасхи. Труднее понять, относилось ли все население с таким же вниманием к наступлению нового года. Например, как люди могли узнать, что наступает точно 1000-й год от Рождения Иисуса Христа? Впрочем, он и не был тысячным: ведь 1-й год христианской эры, выведенный в хронологических трудах Дионисия Малого, римского монаха, жившего в конце V в., теперь считается 4-м годом после установленной историками даты рождения Спасителя.

Независимо от того, знали или нет люди того времени год Рождения Христа, представляет интерес, как они в целом ощущали свое место в мировом пространстве. Рауль Глабер, бургундский монах и историк, в конце первой книги своих «Историй» упоминает, что со времени творения мира до пришествия Спасителя

минуло шесть исторических эпох. Французский исследователь-медиевист Эдмон Поньен, интерпретируя слова средневекового хрониста, завершает его мысль: «И многие верили, что седьмая эпоха станет свидетелем завершения вол-

нений этого низкого мира, с тем чтобы все, имевшее начало, равным образом нашло в своем создателе завершение, которое дает ему полное успокоение» [9, с. 83].

Скорее всего, Раулю был известен труд Беды Достопочтенного «De temporum ratione» (О счете времени) [4], где он приводит традиционное деление времени на эпохи: первая — от Адама до Ноя, т. е. от творения до потопа; согласно еврейской хронологии она продолжалась 1656 лет. Вторая эпоха, от Ноя до Авраама, общего прародителя еврейского народа, длилась 292 г., третья продолжалась вплоть до царствования Давида — 1942 г., четвертая, завершившаяся окончанием Вавилонского плена, насчитывает 473 года. Пятая, длившаяся 589 лет, дает дату рождения Христа. Шестая эпоха — это та, в которой живут люди со времени этого события. Таким образом, в год рождения Христа миру исполнилось 4952 г. Однако следует отметить, что церковники, вычислявшие «мировые эры», не могли прийти к единообразному мнению о времени «сотворения мира» [8, с. 22]. Самая длинная мировая эра относила сотворение мира к 6984 г. до н. э., самая короткая — к 3483 г. до н. э.

Следует также добавить, что люди верили, что живут в последнюю фазу развития истории. Это было логично, ибо какое событие будущего могло превзойти по значимости Рождество и Искупление, обозначить новый этап и начать новую эпоху? Убежденные в том, что они живут в завершающую эпоху исторического времени, люди, пользуясь своей хронологической шкалой, не могли отодвинуть конец света в очень отдаленное будущее.

Вполне закономерно, что первые и наиболее стойкие ожидания должны были прийтись на цифру с тремя нулями — на 1000 год от рождения Христа. Тем более что именно в преддверии этого года Европу охватывали все возможные бедствия — и войны, и вторжения, и голод, и мор, и различные небесные катаклизмы.

Конечно, в любые времена случались подобные бедствия. Но в X и XI вв. они были особенно заметными для людей, которые ожидали их и придавали им столько значения. Условия жизни той эпохи сами по себе порождали определенный фатализм. Разливы рек, например, неизбежно вели к наводнению, предотвратить которое было практически невозможно. Длительные, проливные дожди переувлажняли почву, поскольку не существовало надежной системы осушения, засуха сводила к минимуму или вовсе уничтожала урожай из-за отсутствия системы ирригации.

Ко времени, когда король Франции Роберт Благочестивый продолжал завоевание Бургундии, т. е. в период между 1002 и 1016 гг., бургундский историк Рауль Глабер писал, что «жестокий голод, длившийся пять лет, распространился по всему римскому миру (т. е. по всем странам, ранее подчинявшимся Риму) до такой степени, что нельзя найти ни одной области, которая не была бы поражена нищетой и нехваткой хлеба; большая часть населения умерла от голода» [3]. У людей создавалось убеждение, умело поддерживаемое церковью, что все эти бедствия и стихии были посланы Богом с целью наказать человечество за его гордыню.

Кроме голода, опустошавшего землю, людей пугали появляющиеся, как им казалось, на небе знамения, загадочные, беспокоившие и даже приводившие в ужас, потому что считалось само собой разумеющимся, что они всегда что-то предвещают. Даже Григорий Турский, историк и епископ, наполняет свой труд, — по словам Люсьена Февра «…снами, фантазиями и призраками… он верит в гадание по небесным светилам… верит, что раннее созревание плодов предвещает войну или чуму, ранние цветы — богатую жатву» [10, с. 215].

Также Адемар из Шабанна, монах монастыря святого Марциала в Ангулеме, вместе со многими наблюдал «комету, имевшую по длине и по ширине форму меча», который указывал «на север в течение многих ночей лета» [1]; и сразу же в Галлии и в Италии начались пожары, разрушившие небольшой город Шару, церковь Святого Креста в Орлеане и несколько замков.

Следует, конечно, обратить внимание не на частоту описываемых небесных явлений, а на суеверное внимание, с которым к ним относились люди. Скорее всего, в то время было не больше затмений солнца и луны, чем в любую другую эпоху. То же самое можно, наверное, сказать и о кометах, и о метеоритах. Поражает скорее сила воображения, безмерно увеличивавшая смысл этих явлений.

Живя под воздействием страхов и несчастий своего времени, люди были не в состоянии искать рациональное объяснение этим явлениям. Наука была еще далека от того, чтобы объяснить многие природные явления. Не имея представления о том, что существуют экономические законы, люди того времени не понимали, что нехватка пищи и другие проблемы подобного рода во многом являются результатом слабой организации труда и неразвитостью технологий. «Большинство из них находились во

власти примитивных суеверий и с готовностью покорялись тому, что считали капризами таинственных сил. Другие, и прежде

всего духовные лица, в силу своей профессии склонные приписывать все божественной воле, предлагали свою логику объяснения: Бог наказывает людей за их грехи» [9, с. 47].

Учитывая такое количество бедствий и призраков, порожденных в людском воображении, трудно избавиться от ощущения, что три или четыре поколения, пережившие эпоху 1000 года, были свидетелями вспышки разного рода несчастий. Ни до этого, ни после — по крайней мере вплоть до эпидемии чумы в XIV в. и до Столетней войны — не найти такого числа невзгод и такой степени страха. Как отмечает известный русский историк Добиаш-Рождественская: «Голодовки и засухи, страдания от грозных эпидемий и суровых зим, которые так часто приходилось переносить в эти века неустроенности материального быта, могли, конечно, повышать возбудимость измученных и потрясенных нервов. Охваченный огнем нездорового возбуждения, разгоряченный мозг открывался бреду: кошмару или сладкому, блаженному видению. Душа, напуганная стихийным ужасом окружающего, утрачивала доверие к собственной силе; бедная опытом мысль уже не улавливала развертывающейся в природе цепи причин и следствий. Она раскрывалась для восприятия чуда, и чудо являлось в виде вещего знамения. В анналах, отмечавших годы, предшествовавшие первому крестовому походу, записано особенно большое число этих вещих знамений. Они идут, как будто сгущаясь» [7, с. 38]. Нагнетание мрачных предсказаний и сопутствующих предзнаменований естественным образом подталкивало многих совершить очищение от своих грехов как можно скорее.

Бургундский историк Рауль Глабер так отмечает наступление нового тысячелетия: «Со всех уголков земли толпы людей устремились в Иерусалим к Гробу Господню; еще незадолго до того никому и в голову бы не пришло подобное. Сначала толпы эти состояли в основном из людей неимущих, затем — из людей с достатком; потом в путь отправились гранды, короли, графы, маркизы, прелаты, и — совсем невиданное ранее — женщины, от самых знатных до самых бедных» [3]. Для Рауля связь между мистическим порывом к Богу многих людей и приближением конца света являлась неоспоримой: «Многие люди обращались за советом к самым знающим и беспокойным, спрашивая, что кроется за необыкновенным притоком паломников в Иерусалим, ведь ничего подобного в прошлые века не происходило. И знающие люди, тщательно обдумывая и взвешивая свои слова, отвечали, что было это верным знаком скорого явления в мир Антихриста, а значит, и конца

света. И все народы устремляются к Востоку, потому что все они должны выйти ему навстречу, и тогда сбудется пророчество Господа, говорившего, что все поддадутся искушению, даже избранные» [3].

Однако, поскольку наступление реального тысячного года не принесло конца времен, церковь перенесла дату на 1033 г. (тысяча лет со времени смерти Христа), а затем на 1066 г. («звериное число»). Настроение же ожидания ужасного бедствия, таким образом, сохранялось на протяжении всего XI в., проявляясь во все большей убежденности общества в своей греховности. Рауль называет 1033 г. апогеем «святых путешествий». Он также подчеркивает глубинный смысл паломничества: подготовка к смерти и обещание спасения. Паломник, отрывающийся от близких, от родного очага, отправлявшийся в путь без всякой защиты, не принадлежал более своему миру. Он искренне надеялся встретить смерть в пути.

Ситуация начала нового тысячелетия в Западной Европе в целом способствовала развитию религиозных путешествий. В 1000 г. король Венгрии принимает христианство, что означает более легкий сухопутный путь к Святой земле. Многие знатные люди того времени, такие как граф Ангулеймский или аббат д'Ёд де Бурж, и множество народа разных сословий отправлялись в Иерусалим. Паломничества становятся все более массовым предприятием.

В 1064 г. большая группа немецкой светской и духовной знати вместе со своими приближенными и слугами совершают паломничество в Иерусалим. Однако описание их путешествия дает представление не только о тяжести далекого странствия, но также и об изменении отношения паломников к политической обстановке, царящей в Палестине.

Итинерарий, описывающий это путешествие, с самого начала дает общее число людей, задействованных в предприятии, — их было более двенадцати тысяч. Среди них находились такие знатные особы, как архиепископ Зигфрид Майнцкий, епископы Вильям Утрехтский, Ото Регенсбургский и Гюнтер Бамберский. Вместе с ними двигались знатные графы и принцы. Как только отряд переправился через реку Морава, участники путешествия почувствовали угрозу нападения. Однако, благополучно добравшись до Константинополя, они продолжили путь и достигли города Лаодикея. Во время пребывания в этом городе, они встречали многих людей, идущих из Иерусалима и сообщающих им об ужасных издевательствах того «свирепого племени арабов, жадного до человеческой крови» [2], которое захватило город. Посоветовавшись, паломники решают продолжить поход несмотря на угрозу. Попытав-

шись двинуться дальше, участники похода попадают в засаду арабов, «которые бросились на них подобно стае голодных волков. Сначала люди пытались сопротивляться, но вскоре были вынуждены отступить назад. Во время бегства было убито большое число паломников: «…епископ — Вильям Утрехтский был ранен и остался на месте побоища вместе со многими, которых ожидала несчастная кончина. Три оставшихся епископа смогли укрыться в некой крепости, с двумя башнями, намереваясь продержаться столько, сколько позволит им Господь…» [2]. Их лошади и повозки не смогли попасть в укрепления, так как ворота были слишком узки, и все они достались нападающим. В этой ситуации паломники, выступающие до этого как мирные путешественники, берутся за оружие, пытаясь отстоять свою жизнь. В течение трех дней враги старались захватить крепость, однако осажденным удавалось отстоять свою честь и свободу. Прорвав осаду, они достигают цели своего путешествия, города Иерусалима. Обратный путь также был заполнен мелкими стычками с местным населением. В безопасности они смогли почувствовать себя лишь тогда, когда достигли берегов Дуная и границ Венгрии.

Естественно, следует относиться достаточно критически к той жестокости и кровожадности арабов, которая рисуется в данном повествовании. Сравнивая итинерарии немецкого паломничества 1064 г. с путеводителями предыдущих веков, видно, что люди западного мира круто меняют свое отношение к владычеству мусульман на Ближнем Востоке, которое длилось еще с середины VII в. Средневековое общество было уже готово к вооруженной борьбе за свои религиозные святыни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ademar de Chabannes // Relics, Apocalypse, and the Deceits of History: Ademar of Chabannes, 989—1034. [Electronic resource]. Cambridge: Harvard University Press, 1995. Mode of access: http://www.ull.es/congresos/conmirel/JUTORRES.htm. Date of access: 23.03.2006.
2. Annales Altahenses Maiores. 1065 // The Crusades: A Documentary History. [Electronic resource]. Milwaukee, 1962. Mode of access: http://www.fordham.edu/halsall/source/1064pilgrim.html. Date of access: 23.03.2006.
3. Glaber Raoul. Historiarum libri quinque ab anno incarnationis DCCCC usque ad annum MXLIV // Rodulfus Glaber. The Five Books of the Histories. [Electronic resource]. Oxford, 1989. Mode of access: http://www.ull.es/congresos/conmirel/JUTORRES.htm. Date of access: 23.03.2006.

4. *Jones, C. W.* Venerabilis Bedae. Opera Didascalicaed / C. W. Jones / [Electronic resource]. Turnholti, 1975. Mode of access: http://www.fh-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost08/Bede/bed_ra01.html. Date of access: 23.03.2006.
5. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические: в русском переводе с параллельными местами. Минск, 2005. 925, 292 с.
6. *Бородин, О. Р.* Человек и время: (Возникновение современной хронологии) / О. Р. Бородин. М., 1991. 63 с.
7. *Добиаш-Рождественская, О. А.* Западные паломничества в средние века / О. А. Добиаш-Рождественская. СПб., 1924. 72 с.
8. *Каменцева, Е. И.* Хронология / Е. И. Каменцева. М.: Аспект Пресс, 2003. 159 с.
9. *Поньен, Э.* Повседневная жизнь Европы в тысячном году / Э. Поньен. М.: Мол. Гвардия, 1999. 382 с.
10. *Февр, Л.* Бои за историю / Л. Февр. Сретенск: МЦИФИ, 2000. 344 с.